

Маша Малиновская

**СВАДЕБНЫЙ
ПЕРЕПОЛОХ
В ПАРИЖЕ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маша Малиновская

Свадебный переполох в Париже

«Автор»

2026

Малиновская М.

Свадебный переполох в Париже / М. Малиновская — «Автор»,
2026

Сбежать в Париж на свадьбу подруги — что может быть лучшим лекарством от рутины, когда брак давно превратился в привычку, а половина кровати по утрам ледяная? Елена Федорова запланировала легкую передышку: шампанское, круассаны и ничего серьезного. Но в гостевом доме на берегу Сены ее ждал сюрприз. Соседом по комнате и по ванной оказался Дмитрий Молочников - циничный красавец и бывший однокурсник мужа. Теперь они делят не только квадратные метры, но и вынужденное общение, язвительные реплики и какое-то необъяснимое, пугающе сильное притяжение. Лена замужем, а Дима поклялся не лезть в чужие браки. Но когда Париж вмешивается в тщательно выстроенные планы, игра перестает быть игрой. Современный любовный роман о том, как один город способен перевернуть все, что ты знала о себе, о любви и о втором шансе.

Содержание

Без десяти восемь	5
Чемодан на колесиках	7
Ванная комната	10
Соседство	13
Девичник и Мальчишник	16
Утро с похмелья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Маша Малиновская

Свадебный переполох в Париже

Без десяти восемь

Уведомление в телефоне завибрировало коротко и зло.

«07:50. Планерка с логистами. Конференц-зал 3».

Я смахнула уведомление, не глядя. Экран погас, оставив меня в серой полутьме спальни. За окном моросил дождь — не летний ливень, а та противная московская взвесь, когда не поймешь, то ли вода, то ли пыль.

Половина кровати была ледяной.

Я провела ладонью по простыне справа от себя. Холодная. Не просто остывшая — нет, она была гладкой и нетронутой, словно здесь никто и не лежал. Андрей уехал в три ночи. Я слышала сквозь сон, как хлопнула входная дверь. Даже не обернулась. Привычка.

На тумбочке лежала его записка. Два слова на оторванном листе из ежедневника: «Вызвали. Буду поздно».

Всегда «поздно». Иногда «на связи». Никогда «люблю».

Я села на край кровати, спустив босые ноги на холодный ламинат. Тридцать лет. Три года в браке. Квартира в ЖК «Сколковский», ипотека еще на двенадцать лет, белая кухня с островком, которую я выбирала три месяца и на которой мы готовили вместе от силы раз пять. Кофемашина, купленная в рассрочку. Кредитная карта с милями, которыми я ни разу не воспользовалась, потому что отпуск — это «не вовремя».

Я посмотрела на свое отражение в темном экране телевизора. Волосы собраны в небрежный пучок, лицо без косметики, под глазами синева — вчера засиделась с квартальным отчетом до половины первого. Андрей пришел в двенадцатом часу, молча поел разогретый ужин, уткнулся в телефон и уснул, отвернувшись к стене.

Мы не разговаривали уже неделю. Нет, не ссорились. Просто перестали. Сначала исчезли разговоры о фильмах и новостях, потом — вопросы «как дела?». Остались только функциональные фразы: «купи хлеб», «я задержусь», «спокойной ночи».

Я встала и пошла на кухню. Кофемашина зашумела, выплевывая порцию эспresso в белую чашку. На холодильнике магнитом держалась наша свадебная фотография. Пятьсот гостей, ресторан в центре, я в платье от Веры Вонг, которое шили на заказ, и Андрей в смокинге, счастливый, с глупой улыбкой. Тогда казалось, что впереди целая жизнь.

Где-то между той фотографией и сегодняшним утром случилась подмена.

Я не заметила, когда именно. Может, когда он получил повышение в своем ведомстве и стал пропадать сутками. Может, когда я ушла с головой в логистику и перестала спрашивать. А может, когда секс из желания превратился в обязанность — раз в две недели, по субботам, если нет головной боли и неотложных дел.

Я сделала глоток кофе. Горячий, крепкий. Единственное, что держит меня в тонусе последние полгода.

«Планерка с логистами». Точно. Через час нужно быть в офисе. Там будут обсуждать оптимизацию маршрутов, снижение издержек, KPI и прочую ерунду, от которой у меня сводит скулы. А я буду сидеть с каменным лицом, кивать и думать о том, что моя жизнь — это бесконечный цикл «работа-дом-работа», в котором нет места ни радости, ни печали. Только усталость.

Я открыла холодильник. Йогурт, яйца, вялый пучок укропа. Ничего не хочется. Захлопнула дверцу.

В коридоре зашуршала вешалка — соседи за стеной собирались на работу. Обычные звуки обычного утра. А у меня внутри — тишина. Такая глухая, ватная, когда даже заплакать не получается.

Я села на табуретку у окна. Дождь усилился. Капли стучали по стеклу, размывая очертания соседней многоэтажки.

Что я чувствую?

Ничего. Вот в чем ужас. Я не злюсь на Андрея за то, что он уехал в три ночи. Я не обижаюсь, что он не обнял меня перед уходом. Я даже не ревную, хотя в последнее время он слишком часто говорит «работа» и слишком редко смотрит мне в глаза.

Просто пустота.

В ванной зашумела вода — автоматически включился бойлер. Надо собираться. Через полчаса выходить, иначе пробки на Третьем транспортном сожрут остатки утра. Я встала, машинально сняла пижамную футболку, бросила в корзину для белья. В зеркале отразилась женщина, которую я с трудом узнавала. Худая, бледная, с потухшими глазами.

Когда-то у меня горели глаза. Когда-то я смеялась так, что соседи стучали по батарее. Когда-то мы с Андреем не могли оторваться друг от друга, целовались в лифте, гуляли до рассвета по набережным, строили планы.

Куда все делось?

Я включила воду в душе, шагнула под горячие струи. Вода стекала по плечам, по спине, по ногам. Я закрыла глаза и представила, что нахожусь не в московской квартире с видом на серую многоэтажку, а где-то еще. Где нет будильников, отчетов и ледяной половины кровати.

Я выключила воду, завернулась в полотенце и посмотрела на часы. Без десяти семь.

Впереди еще целый день. Обычный. Серый. Без вкуса и запаха.

Планерка с логистами. В конференц-зале 3. Через час.

Моя жизнь.

Чемодан на колесиках

Сообщение от Киры пришло ночью. Я увидела его только утром, когда чистила зубы и по привычке листала ленту ВКонтакте.

«Ленка, Светка замуж выходит. В Париже. Представляешь? Полный дурдом. Мама плачет, папа пьет валерьянку, а я тут как белка в колесе. Приезжай, а? Отель уже бронирован, билет скину в личку. Муж твой вечно занят, как я понимаю. Бери отпуск за свой счет, я все оплачу. Не отвертись!!!»

И следом — gifка с танцующим котом в берете.

Я выплюнула пасту в раковину и уставилась в экран. В горле пересохло. Париж. Свадьба. Кира — моя институтская подруга, единственная, кто не перестал писать после того, как я вышла замуж и превратилась в офисное растение. Она уехала во Францию пять лет назад, вышла замуж за ресторатора с русскими корнями и теперь жила где-то в районе Булонского леса, воспитывая двух дочек и французского бульдога.

Я закрыла кран и вытерла лицо полотенцем. В зеркале отразилась все та же бледная женщина с потухшими глазами. Только теперь в них мелькнуло что-то похожее на панику.

Париж.

Я не была в отпуске два года. Я не брала больничный три. Я даже выходные проводила с ноутбуком на коленях, потому что «надо закрыть квартал». Мой загранпаспорт лежал в ящике стола вместе с гарантийным талоном от кофемашины. Я даже не помнила, действителен ли он.

Я прошла на кухню. Кофе. Снова кофе. Руки дрожали, когда я нажимала кнопку на машине.

Андрей уже уехал. Конечно. Вчера он вернулся за полночь, что-то буркнул про «срочное совещание в министерстве» и уснул, не раздеваясь. Я лежала рядом, вдыхала запах чужого парфюма — резкий, сладковатый, явно женский — и делала вид, что сплю. Делать вид я научилась виртуозно.

Телефон снова пикинул. Кира прислала скриншот билета. «Аэрофлот», эконом-класс, вылет завтра в десять утра из Шереметьево. И следом — голосовое.

Я нажала «Play» и поднесла динамик к уху.

— Лен, я серьезно. Хватит киснуть в своей Москве. Тут весна, Эйфелева башня, круасаны. Светка будет счастлива тебя видеть. И я тоже. Не думай, просто бери и лети. Вещи не собирай, купим тут. Целую, жду.

Голос у Киры был теплый, обволакивающий, с легким французским прононсом. От него пахло свободой.

Я поставила чашку на стол и посмотрела на свадебную фотографию на холодильнике. Андрей улыбался. Я улыбалась. Пятьсот гостей. Платье от Веры Вонг, которое я выбирала два месяца. Тогда казалось, что впереди — целая жизнь.

Что бы сказал Андрей, если бы узнал, что я собралась в Париж? «Зачем? Дорого. У тебя работа. У меня дела. Не сейчас». А потом уехал бы в три ночи, оставив ледяную половину кровати.

Я открыла ВКонтакте, нашла диалог с мужем. Последнее сообщение от него было трехдневной давности: «Купи корм коту». Ни «доброе утро», ни «как дела», ни «скучаю».

Кот, кстати, был его. Я никогда не любила кошек. Он завел персидского дымчатого по кличке Барон, а ухаживать за ним пришлось мне. Барон сидел сейчас на подоконнике и смотрел на меня желтыми презрительными глазами. Даже кот чувствовал, что в этом доме я — обслуживающий персонал.

Я глубоко вздохнула и набрала номер начальника.

— Иван Сергеевич, доброе утро. Мне нужно срочно взять отпуск за свой счет. На неделю. Нет, ничего не случилось. Семейные обстоятельства. Да, отчет доделаю удаленно. Спасибо.

Трубка легла на стол. Я посмотрела на свои руки — они больше не дрожали.

Решение пришло мгновенно, как щелчок выключателя. Темнота сменилась светом. Я больше не могла. Не могла просыпаться в пустой постели, варить кофе для себя одной, кормить кота, которого не люблю, и ждать мужчину, который давно перестал быть моим мужем.

Я зашла в спальню и достала с антресолей старый чемодан на колесиках. Ручка была сломана, молния заедала, но другого не было. Я побросала в него первые попавшиеся вещи: джинсы, пару футболок, белье, косметичку. Зарядку для телефона. Загранпаспорт — действительно до следующего года, слава богу.

В ящике стола лежала банковская карта с накоплениями «на черный день». Я сунула ее в кошелек. Черный день настал.

Потом я остановилась. Посмотрела на обручальное кольцо. Тонкий ободок из белого золота, купленный в кредит три года назад. Я покрутила его на пальце. Снимать не стала. Пока.

Написала Андрею короткое: «Улетаю в Париж на неделю. Кира позвала на свадьбу сестры. Кота покормит соседка, я договорилась». Без «люблю», без «целую», без «скачаю». Пусть привыкает.

Ответ пришел через минуту: «Ок».

Одно слово. Даже без знака препинания.

Я выключила телефон и вызвала такси до Шереметьево.

В аэропорту пахло кофе и дезинфекцией. Люди сновали с чемоданами, дети плакали, диктор объявлял посадки на рейсы в Дубай, Стамбул, Калининград. Я стояла у стойки регистрации и чувствовала себя самозванкой. Куда я лечу? Зачем? Что я буду делать в Париже одна?

Но Кира обещала встретить. И я держалась за это обещание, как за спасательный круг.

Регистрация, паспортный контроль, досмотр. Я шла по стеклянному коридору к гейту, и с каждым шагом Москва оставалась позади. Пробки, отчеты, ледяная постель, кот Барон, Андрей с его «Ок» — все растворялось в гуле турбин.

В самолете я села у окна. Рядом оказалась пожилая пара — муж с женой, которые всю дорогу держались за руки и обсуждали, какие сыры купить в Париже. Я смотрела на них и чувствовала, как что-то внутри сжимается. Вот так, наверное, выглядит любовь через тридцать лет брака. Не «Ок», а «какой сыр ты хочешь, дорогая?».

Стюардесса предложила шампанское. Я взяла. Маленький пластиковый стаканчик с пузырьками. Выпила залпом. Потом еще один. В голове зашумело, и я впервые за долгое время улыбнулась.

Самолет набрал высоту. Под крылом проплывали облака — белые, пушистые, похожие на взбитые сливки. Я прижалась лбом к иллюминатору и закрыла глаза.

Четыре часа — и я в Париже.

Четыре часа — и начнется что-то новое.

Я не знала, что именно. Но чувствовала: та самая искра, которая едва теплилась вчера утром, сейчас разгоралась в маленький, но уверенный огонь.

Пожилая пара заказала еще шампанского. Муж поцеловал жену в висок. Она засмеялась.

Я отвернулась к окну и впервые за три года позволила себе помечтать. Не о работе. Не об ипотеке. Не о том, что скажет Андрей.

А о том, что где-то там, внизу, под этими облаками, есть город, где пекут круассаны, светит солнце и где меня ждет подруга, которая верит, что я еще жива.

Самолет начал снижение.

Париж.

Ванная комната

Самолет коснулся полосы мягко, почти неслышно. Я вздрогнула, когда шасси загудели по бетону, и окончательно проснулась. Четыре часа сна урывками, неудобное кресло, соседка справа, которая всю дорогу смотрела какой-то сериал без наушников, и два пластиковых стаканчика шампанского сделали свое дело — голова была ватная, а во рту пересохло.

Париж.

Я прижалась лбом к иллюминатору. Серое небо, мокрая полоса, здание аэропорта вдали — ничего романтического. Обычный аэропорт, обычный дождь, обычные люди с чемоданами. И только где-то глубоко внутри саднило осознание: я здесь. Я действительно сбежала.

Паспортный контроль прошел быстро. Француз в будке лениво пролистал мой загранпаспорт, поставил штамп и кивнул, даже не взглянув на меня. Я вышла в зону прилета, волоча за собой непослушный чемодан со сломанной ручкой. Колесико скрипело, привлекая внимание редких пассажиров.

Кира стояла у выхода с табличкой. На картонке корявым почерком было выведено: «ЛЕНА ФЕДОРОВА — БЕГЛЫЙ ПРЕСТУПНИК». Рядом был нарисован улыбающийся смайлик.

Я не выдержала и рассмеялась. Впервые за долгое время — не дежурной улыбкой для коллег, а по-настоящему, до боли в щеках.

— Кира, ты с ума сошла.

Она бросила табличку на пол, шагнула ко мне и крепко обняла. От нее пахло лавандой и чем-то теплым, домашним. Я уткнулась носом в ее плечо и вдруг почувствовала, как глаза защипало. Нет. Только не реветь в аэропорту.

— Ленка, ты прилетела, — прошептала она. — Я боялась, что передумаешь.

— Я тоже боялась.

Она отстранилась, оглядела меня с ног до головы и нахмурилась.

— Боже, ты худая, как вешалка. И бледная. Ладно, это мы исправим. Круассаны, вино и никакой работы. Поняла?

Я кивнула, не в силах спорить. Кира подхватила мой чемодан, поморщилась от скрипа колесика и уверенно пошла к выходу. Я поплелась следом.

Машина у нее была маленькая, серебристая, с ароматизатором в виде Эйфелевой башни. Кира болтала без остановки, пока мы выезжали с парковки. Про Светку, которая выбрала платье за десять тысяч евро и теперь рыдает, что оно «недостаточно белое». Про маму, которая приехала из Саратова и требует, чтобы свадьба была «как у людей, с караваем». Про мужа Жана, который сбежал на кухню ресторана и отказывается выходить, пока теща не улетит обратно.

Я слушала вполуха, глядя в окно. Париж за стеклом был серым и мокрым. Дождь стучал по крыше, дворники размазывали воду по лобовому стеклу. Мелькали дома с коваными балконами, кафе с красными тентами, мокрые платаны вдоль дороги. Красиво. Даже в дождь — красиво.

— Я поселила тебя в гостевом доме, — сказала Кира, сворачивая на набережную. — Это рядом с Сеной, тихий район. Там сейчас живут родственники жениха и всякие друзья. Мест не хватает, такой ажиотаж. Но комната у тебя будет своя, не волнуйся.

— Спасибо, — ответила я. — А кто жених?

— Тимур Ибрагимов. Сын какого-то московского бизнесмена. Приятный парень, воспитанный. Светка за ним три года бегала.

Машина остановилась у калитки, увитой плющом. За ней виднелся двухэтажный дом персикового цвета с мансардными окнами. От калитки к крыльцу вела дорожка из мелкого

щебня. Вдоль нее росли кусты гортензий — мокрые, тяжелые, с крупными сиреневыми шапками.

— Приехали, — объявила Кира.

Она провела меня в дом. Внутри было светло и пахло выпечкой. Прихожая с зеркалом в резной раме, гостиная с камином, книжные полки, мягкий диван цвета топленого молока. Все чисто, уютно, по-европейски просто.

— Твоя комната на втором этаже, вторая дверь справа, — Кира сунула мне в руку ключ. — Ванная там одна на две спальни, но сосед у тебя тихий, я предупредила. Располагайся, а я побежала. Светка истерит, Жан прячется, мама требует каравай. Увидимся вечером.

Она чмокнула меня в щеку и исчезла за дверью, оставив меня одну в незнакомом доме.

Я поднялась по скрипучей лестнице. Вторая дверь справа. Ключ повернулся легко. Комната оказалась небольшой, но уютной: кровать с балдахином, письменный стол, шкаф, окно с видом на серую Сену. На столе — ваза с лавандой и записка: «Добро пожаловать, Лена! Отдыхай. Кира».

Я бросила чемодан у кровати, стянула мокрую от дождя куртку и села на край постели. Тело ныло после перелета, голова гудела. Я хотела только одного: горячий душ и спать.

Ванная комната находилась через стенку. Я прислушалась — тишина. Сосед, видимо, отсутствовал. Отлично.

Я взяла из чемодана полотенце, халат и косметичку. Прошла в ванную, заперла дверь. Большая комната в бежевых тонах: душевая кабина с прозрачной шторкой, раковина, унитаз, стиральная машина в углу. Все чистое, блестящее, пахнет лавандой — как и везде у Кир.

Я включила воду, дождалась, пока пойдет горячая, и шагнула под струи. Тепло окутало плечи, потекло по спине, по груди, по ногам. Я закрыла глаза и позволила себе расслабиться. Впервые за долгие месяцы. Москва, офис, Андрей, холодная постель — все это осталось где-то далеко, за стеклом иллюминатора.

Я стояла под душем, наверное, минут пятнадцать. Смывала с себя усталость, страх, сомнения. Вода шумела, заглушая мысли. Я почти поверила, что все будет хорошо.

Потом я выключила воду, потянулась за полотенцем и отдернула шторку.

И замерла.

На стиральной машине сидел мужчина. В одних брюках. Босой. Он рассеянно листал ленту в телефоне, даже не взглянув на меня. Светлые волосы взъерошены, на плече — старая татуировка, какая-то надпись на латыни. Широкие плечи, узкие бедра. Он был невероятно, до отвращения красив.

Я стояла голая, мокрая, с полотенцем в руках и не могла пошевелиться. Мозг отказывался обрабатывать происходящее.

Мужчина поднял глаза. Спокойно, лениво, словно видел голых женщин в ванной каждый день.

— Федорова? — уголок его губ дернулся в усмешке. — А ты ничуть не изменилась. Разве что без очков лучше.

Я узнала этот голос. Узнала эту усмешку. Узнала эту манеру смотреть на людей сверху вниз, даже сидя на стиральной машине.

Дмитрий Молочников.

Бывший однокурсник Андрея. Тот самый, кто на нашей свадьбе громко пошутил про «лимит, которая удачно вышла замуж». Тот самый, кого я терпеть не могла все эти годы за высокомерие, цинизм и грязные шутки.

Он сидел в моей ванной.

А я стояла перед ним голая.

Сердце ушло куда-то в пятки, щеки вспыхнули. Я судорожно прижала полотенце к груди, но было поздно. Он уже все видел.

Соседство

— Ты что здесь делаешь?! — голос сорвался на визг. Я попятилась назад, врезалась спиной в холодный кафель душевой и судорожно натянула полотенце до самого подбородка. Мокрые волосы прилипли к щекам, вода стекала по ногам на пол. — Какого черта, Молочников?!

Он даже бровью не повел. Медленно, с какой-то издевательской грацией, заблокировал телефон и убрал его в карман брюк. Посмотрел на меня — спокойно, оценивающе, как на неудачную картину в галерее, мимо которой проходишь по пути к выходу.

— Принимать душ собирался, — ответил он. — Но, видимо, придется подождать. Ты надолго тут окопалась?

— Это моя ванная! — я все еще прижимала полотенце к груди, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Кира сказала, что это моя ванная, а сосед — тихий и незаметный!

— Тихий — это про меня, — он лениво пожал плечами. — А незаметный — это ты загнула. Я, знаешь ли, не умею растворяться в воздухе.

Я открыла рот, чтобы ответить что-то резкое, но слова застряли. Потому что до меня начало доходить. Кира говорила про общую ванную на две спальни. Про тихого соседа. И я, дура, даже не поинтересовалась, кто именно живет за стенкой.

— Ты мой сосед, — выдохнула я. Это был не вопрос. Констатация катастрофы.

— В яблочко, Федорова. — Он чуть склонил голову набок. — А ты, как я погляжу, все такая же догадливая. Хотя нет, вру. Раньше ты врывалась в аудиторию за пять минут до начала и садилась на первый ряд. А теперь врываешься в ванную без стука. Растешь.

Я почувствовала, как к щекам приливает жар. Не только от стыда. От злости. От этой его манеры говорить — медленно, тягуче, словно он делает одолжение каждым словом.

— Я не знала, что здесь кто-то есть, — процедила я. — Дверь была не заперта.

— Потому что я только зашел. — Он наконец-то поднялся со стиральной машины. Движение вышло плавным, текучим. Я невольно отметила, как перекачиваются мышцы под светлой кожей, и тут же мысленно дала себе пощечину. — Слушай, может, ты выйдешь? Я все-таки хотел помыться. А ты стоишь тут, капаясь на пол и сверлишь меня взглядом. Мне, конечно, лестно, но вода остывает.

— Отвернись, — выдавила я.

— Что?

— Отвернись, я сказала! Я не собираюсь идти мимо тебя в таком виде.

Молочников закатил глаза, но послушно развернулся лицом к стене. Я схватила с крючка халат, путаясь в рукавах, натянула его поверх мокрого тела и рванула к двери. Но на пороге остановилась. Любопытство — или что-то другое, чему я не хотела давать названия — перебило.

— Что ты вообще здесь делаешь? — спросила я, не оборачиваясь. — В Париже. В этом доме. Почему ты?

Он медленно повернулся. Теперь мы стояли лицом друг к другу — я в мокром халате, он в одних брюках, босой, с этой своей вечной усмешкой.

— Тимур Ибрагимов — мой друг, — сказал он просто. — Мы вместе учились в Лондоне, бизнес вместе начинали. Он позвал меня на свадьбу. Я приехал. А Кира, добрая душа, поселила меня в эту дыру, потому что гостиница переполнена. Сказала, соседка тихая, незаметная. — Он сделал паузу и ухмыльнулся. — Врала, как видишь.

Я стиснула зубы. Тимур — друг Молочникова. Светка выходит замуж за друга Молочникова. И теперь мы с ним делим ванную в гостевом доме на берегу Сены. Судьба — та еще шутница.

— Ясно, — бросила я и уже взялась за ручку двери, но его голос остановил меня снова.

— Федорова.

Я замерла.

— Давай договоримся, — сказал он. Голос стал другим: меньше сарказма, больше сухой деловитости. — Мы здесь на несколько дней. Я не горю желанием обсуждать с тобой погоду, твоего мужа или мою личную жизнь. Ты, подозреваю, тоже не мечтаешь вести со мной задушевные беседы. Поэтому предлагаю простое правило: в ванную стучимся. Ведем себя тихо. Никаких разговоров за жизнь, соплей и чувств. Живем как соседи по коммуналке — параллельно и без пересечений.

Я медленно повернулась. Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрел на меня в упор. Серые глаза, холодные, как февральское небо. Никакой насмешки сейчас — только усталое спокойствие человека, который привык решать проблемы быстро и без эмоций.

— Идет, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал так же сухо. — В ванную стучимся. Никаких разговоров за жизнь, соплей и чувств.

— Отлично. — Он чуть кивнул. — Тогда, может, ты все-таки выйдешь? А то вода действительно остыла.

Я вылетела в коридор и захлопнула дверь. Прислонилась к ней спиной, чувствуя, как колотится сердце. Вот черт. Вот же черт.

В своей комнате я села на кровать и уставилась в стену. За ней шумела вода — Молочников принимал душ. Я слышала каждый звук: как включился кран, как зашумели струи, как через несколько минут все стихло. Потом хлопнула дверь ванной, и шаги прошелестели мимо моей двери в соседнюю спальню.

Тишина.

Я сидела и переваривала произошедшее. Дмитрий Молочников. Человек, которого я искренне ненавидела все эти годы. Нет, не просто ненавидела — презирала. За то, как он смотрел на меня на нашей с Андреем свадьбе. За его шуточки про «лимит» — я тогда сделала вид, что не расслышала, но каждое слово врезалось в память. За то, как он вел себя с Андреем — снисходительно, словно делал одолжение, общаясь с сыном простого майора. За то, что всегда был слишком красив, слишком уверен, слишком богат, и все вокруг ему это прощали.

А теперь мы делим ванную. В Париже. На свадьбе.

Я истерически хихикнула. Ситуация была до того нелепой, что даже не злила — просто выбивала из колеи.

В дверь постучали. Я вздрогнула.

— Федорова, ты жива? — голос Молочникова из-за двери.

— Жива, — отозвалась я. — Чего тебе?

— Полотенце свое забери. Ты бросила его на полу в ванной. Я, знаешь ли, не горничная.

Я вскочила, распахнула дверь. Он стоял в коридоре — уже в футболке и спортивных штанах, с моим мокрым полотенцем в руке. Протянул его мне, как дохлую крысу.

— Спасибо, — буркнула я, выхватывая ткань.

— Не за что. — Он развернулся и пошел к своей двери, но на пороге обернулся. — И да, Федорова. На будущее: дверь в ванную запирается изнутри. На защелку. Рекомендую пользоваться. А то мало ли кто зайдет.

Я захлопнула дверь раньше, чем успела придумать достойный ответ.

Села на кровать. Посмотрела на полотенце в руках. Потом на стену, за которой он сейчас находился. В голове крутилась одна мысль, глупая и неуместная: «Он видел меня голой. Он видел меня голой, и ему было все равно».

Нет, это не должно меня волновать. Мы договорились: ванная по расписанию, никаких разговоров. Я замужняя женщина. Он — высокомерный козел. Мы здесь на четыре дня. Четыре дня — и я вернусь в Москву, к своей серой жизни, к ледяной постели и коту, которого не люблю. А он останется в Париже, в своей ложенной вселенной, где нет места таким, как я.

Я легла на кровать и уставилась в потолок. За стеной было тихо. Слышно только, как дождь стучит по крыше.

Четыре дня. Всего четыре дня.

Я справлюсь.

Наверное.

Девичник и Мальчишник

Сообщение от Киры пришло в шесть вечера.

«Ленка, собирайся. Через час за тобой заедет машина. Девичник. Светка сказала: никаких соплей, только отрыв. Надень что-нибудь короткое. И каблуки. Целую, твоя французская фея-крестная».

Я уставилась в экран телефона. Отрыв. Короткое. Каблуки. Три вещи, которых в моей жизни не было последние несколько лет. Мой гардероб состоял из офисных брюк, водолазок и удобных балеток, в которых можно бегать по этажам с отчетами. Вечерние платья? Последний раз я надевала такое на корпоратив два года назад, и то ушла через час, потому что Андрей сказал: «Скучно, поехали домой».

Я распахнула чемодан. На дне, под стопкой футболок и джинсов, лежало черное платье. Я даже не помнила, зачем его взяла. Короткое, с открытыми плечами, купленное три года назад в приступе шопинг-терапии и ни разу не надетое. Рядом валялись босоножки на шпильке — те самые, в которых я ходила ровно один раз, до машины и обратно.

«А, была не была», — подумала я и начала краситься.

Впервые за долгое время я красилась не для того, чтобы выглядеть «прилично» перед коллегами, а чтобы нравиться себе. Тушь, стрелки, красная помада — старая, засохшая, но еще живая. Волосы я распустила. Они высохли после душа и легли мягкими волнами, обрамляя лицо. Я посмотрела в зеркало и не узнала себя. Оттуда смотрела женщина, которую я давно похоронила под грудой обязательств, отчетов и ледяных ночей. Женщина с блеском в глазах.

Я надела платье. Ткань обтянула бедра, подчеркнула талию, оголила плечи. Я покрутилась перед зеркалом. Черт возьми, а я еще ничего!

В дверь постучали.

— Федорова, ты там жива? — голос Молочникова из-за двери. — За тобой машина пришла. И, судя по гудкам, водитель нервничает.

Я распахнула дверь. Он стоял в коридоре в светлой рубашке с закатанными рукавами и темных джинсах. Увидев меня, замер на секунду. Ничего не сказал, только взгляд скользнул по лицу, по плечам, по ногам — быстро, оценивающе, и тут же вернулся к моим глазам.

— Ну, — не выдержала я, — скажи уже что-нибудь. Ты же без этого не можешь.

— А смысл? — он пожал плечами. — Ты сама знаешь, как выглядишь. Машина ждет.

И ушел к себе, закрыв дверь.

Я так и осталась стоять в коридоре с открытым ртом. Молочников не съязвил. Молочников фактически сделал мне комплимент. Мир сошел с ума.

Машина оказалась черным минивэном с тонированными стеклами. Внутри уже сидели Кира и Светка — невеста в коротком белом платье и фате, которая сползла набок, и еще три девушки, которых я не знала. Кира сунула мне в руку бокал с шампанским.

— Пей, Ленка. Сегодня ты не замужняя женщина, не начальник отдела и не ответственный квартиросъемщик. Сегодня ты просто красивая девушка, которая приехала веселиться. Поняла?

Я кивнула и выпила залпом. Шампанское было холодным, с пузырьками, и тут же ударило в голову.

Клуб находился где-то в центре, в подвальном помещении старинного здания. Внутри гремела музыка, мигали софиты, пахло алкоголем и духами. Нас провели в отдельную зону с диванами и столиком, уставленным бутылками. Светка тут же потащила всех танцевать.

Я сначала сидела на диване, потягивая коктейль. Смотрела, как девушки кружатся на танцполе, как Светка запрыгивает на барную стойку под одобрителный рев толпы. Кира под села ко мне, обняла за плечи.

— Лен, расслабься. Ты в Париже. Муж далеко. Рядом только подруги и шампанское. Чего ты боишься?

— Ничего, — ответила я. — Просто отвыкла.

— Так вспоминай.

Она взяла меня за руку и вытащила на танцпол. Музыка била по ушам, тело двигалось само, сначала неуклюже, потом все увереннее. Кто-то сунул мне в руку еще один бокал. Я выпила. Потом еще. Алкоголь разливался теплом по венам, стирал границы, отключал внутреннего критика.

— Ленка, давай на стойку! — закричала Светка, перекрывая музыку. — Ты же у нас самая серьезная, покажи им!

Я засмеялась. Почему бы и нет? Я же в Париже. Муж далеко. Кот далеко. Отчеты далеко.

Я забралась на барную стойку. Каблуки скользили по лакированной поверхности. Внизу толпа аплодировала, свистела, снимала на телефоны. Я подняла руки, закружилась. Мир поплыл — свет, музыка, лица слились в одно яркое пятно. Я чувствовала себя свободной. Пьяной. Живой.

А потом каблук подвернулся.

Я почувствовала, как теряю равновесие, как тело летит вниз, и успела только выставить руки. Удар. Темнота.

В то же самое время. В другом конце клуба.

Дмитрий Молочников сидел в VIP-зоне, отделенной от основного зала бархатным канатом. Вокруг него гудела мужская компания — Тимур, его друзья, какие-то французы, которых он не знал. На столе теснились бутылки виски и шампанского. Мальчишник набирал обороты.

Дима потягивал виски, рассеянно слушая очередную историю Тимура про то, как они со Светкой познакомились на яхте в Монако. Ему было скучно. Он думал о том, что через несколько дней вернется в Москву, в свой офис, к своим проектам, и вся эта парижская суэта останется лишь воспоминанием.

А еще он думал о Федоровой. О том, как она стояла в коридоре в этом чертовом платье. О том, как у нее горели глаза, когда она поняла, что он не будет язвить. О том, как она смотрелась без очков — мокрая, испуганная, злая. Красивая.

Он тряхнул головой, отгоняя мысли. Федорова замужем. За его бывшим однокурсником. За Андреем Смирновым. И лезть в этот улей он не собирался. У него были принципы. Сомнительные, но были.

Он поднялся, чтобы выйти на воздух, и в этот момент увидел их.

У входа в VIP-зону, у бархатного каната, стоял Андрей Смирнов собственной персоной. В светлой рубашке, расстегнутой на две пуговицы, с самодовольной улыбкой на лице. А рядом с ним — длинноногая брюнетка в обтягивающем платье, которая прижималась к его боку, как кошка к батарее.

Дима замер. Андрей в Париже? Он же должен быть в Москве. Лена говорила — муж на спецзадании. Интересное, блин, спецзадание.

Он достал телефон и сделал снимок. Просто так. На память. Как коллекционер собирает редкие экземпляры человеческой глупости.

Андрей не заметил его. Он что-то шептал брюнетке на ухо, та смеялась, запрокидывая голову. Потом они скрылись в глубине зала, в сторону частных комнат.

Дима убрал телефон в карман. Посмотрел на свой бокал с виски. Потом на танцпол, где только что толпа расступилась вокруг кого-то, кто танцевал на барной стойке. И он еще не понял, что это была Лена.

Так что пока он просто допил виски и подумал: «Вот же сукин сын». Непонятно о ком — то ли об Андрее, то ли о себе за то, что не удалил фотографию сразу.

— Дима, смотри, там, кажется, кто-то упал!..

Утро с похмелья

Сначала был звук. Низкий, мерный, успокаивающий. Стук сердца. Не моего. Чужого, под ухом, совсем рядом — бум-бум, бум-бум, как метроном, задающий ритм всему миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.